

В литературе по проблематике экономического роста прочно утвердился штамп "потерянное десятилетие". Он широко используется для характеристики развития государств Латинской Америки в 80-е гг. XX в. Накопленные за долгие годы внутренние и внешние диспропорции затормозили, а затем и заморозили развитие латиноамериканских экономик на целую декаду.

Для Центральной Азии, как и для всего постсоветского пространства, 90-е гг. стали не просто "потерянным десятилетием", но десятилетием беспрецедентной экономической катастрофы. Каковы масштабы понесенных экономических потерь? Окончился ли в странах региона экономический спад? Завершен ли здесь процесс трансформации командно-мобилизационных экономик в экономики рыночного типа? Каково качество возобновившегося на рубеже XX и XXI вв. экономического роста? И главное - созданы ли в Центральной Азии необходимые условия для выхода на траекторию устойчивого самоподдерживающегося развития? Эти и связанные с ними вопросы находятся в центре внимания настоящей главы.

3.1. Зигзаги экономической динамики

Развитие центральноазиатских государств за первые десять лет независимости целесообразно разбить на два периода: беспрецедентный обвал в первой половине 90-х гг. и начавшееся робкое оживление во второй половине десятилетия. В первой половине 90-х гг. вся центральноазиатская пятерка прошла через глубочайший экономический спад. Валовой внутренний продукт в Таджикистане в 1990-1995 гг. сократился на 58%, Кыргызстане - на 49%, Казахстане и Туркменистане - 39% и в Узбекистане - на 19% (см. табл. 1)¹

Падение производства охватило практически все без исключения сектора экономики. Выпуск сельскохозяйственной продукции в

Казахстане снизился на 45%, Таджикистане - на 40%, Кыргызстане - 38%, Туркменистане - 32% и Узбекистане - на 12%. Производственный спад в промышленности был даже глубже, достигнув 68% в Кыргызстане, 57% - в Таджикистане, 52% - Казахстане и 38% в Туркменистане. Лишь в Узбекистане промышленное производство в середине 90-х гг. находилось практически на том же уровне, что и пятилетием ранее. Хотя и здесь в отдельные годы спад достигал 7%.

Следует иметь в виду, что определенная часть статистически регистрируемого сокращения экономической активности была даже полезна. Не секрет, что в советское время экономики Казахстана и Кыргызстана и в меньшей степени Узбекистана в значительной своей части обслуживали потребности военно-промышленного комплекса. При этом в советской нерыночной экономике военно-ориентированное производство было особенно слабо связано с поддержанием благосостояния. Однако реальные масштабы спада в Казахстане и Кыргызстане столь велики, что его вряд ли можно объяснить демилитаризацией. В основе сжатия экономической активности лежал все-таки глубочайший спад в гражданских отраслях хозяйства.

В 1996 г. в динамике центральноазиатских экономик наметился перелом к лучшему. После пяти лет отрицательных темпов роста в государствах региона за исключением Таджикистана и Туркменистана были зарегистрированы положительные темпы роста ВВП. К тому же в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане выросло и промышленное производство. В 1997 г. рост ВВП и промышленности в этой тройке государств продолжился. Вдобавок положительные темпы роста были продемонстрированы узбекским и кыргызским сельским хозяйством, а в Казахстане выпуск в аграрном секторе упал менее чем на 1%.

Если абстрагироваться от чрезвычайно низкого исходного уровня, то Кыргызстан в 1997 г. мог бы быть причислен к лиге "чемпионов роста". Валовой внутренний продукт здесь увеличился на 9,9%, а промышленное производство - на 39,7%. В 1998 г. рост кыргызского ВВП, промышленности и сельского хозяйства продолжился. Стабильно положительные темпы роста демонстрировал в 1997-1998 гг. и Узбекистан.

В 1997г. валовой внутренний продукт в Таджикистане впервые за десятилетие вырос на 1,7%, а в 1998 г. еще на 5,3%. С 1997 г. Таджикистану удалось восстановить положительные темпы роста в сельском хозяйстве, а с 1998г. - в промышленности.

Таблица 1

Темпы роста в 1991-2000 гг, % к предыдущему году

	1991	1992	1993	1994	1995	1995, % от 1990	1996	1997	1998	1999	2000	2000 % от 1990
Валовой внутренний продукт												
Казахстан	-11,0	5,3	9,2	-12,6	-8,2	61,4	0,5	1,7	1,9	2,7	9,6	69,4
Кыргызстан	7,9	-13,9	15,5	-20,1	-5,4	50,6	7,1	9,9	2,1	3,7	5,0	66,3
Таджикистан	7,1	-29,0	-11,0	-18,9	-12,5	41,7	-4,4	1,7	5,3	3,7	8,3	47,9
Туркменистан	4,7	-5,3	-10,0	-18,8	-8,2	61,0	-8,0	-26,1	4,2	16,0	17,6	58,9
Узбекистан	-0,5	11,1	-2,3	-5,2	-0,9	81,2	1,7	5,2	4,4	4,4	4,0	98,5
Промышленное производство												
Казахстан	-0,9	-13,8	-14,8	-28,1	-8,2	48,0	0,3	4,0	-2,4	2,7	14,6	57,6
Кыргызстан	-0,3	-26,4	-25,3	-28,0	-17,8	32,4	3,9	39,7	5,3	-4,2	6,0	50,3
Таджикистан	3,6	-24,3	-7,8	-25,4	-13,6	43,4	23,9	-2,0	8,2	5,6	10,3	40,7
Туркменистан	4,8	-14,9	-11,0	-14,7	9,0	61,6	20,0	-22,0	2,0	16,0	29,0	88,0
Узбекистан	1,5	-6,7	3,6	1,6	0,1	99,8	2,6	4,1	3,6	6,1	6,4	122,4
Продукция сельского хозяйства												
Казахстан	-23,0	29,0	-7,0	-21,0	-24,0	55,5	5,0	-0,8	-19,0	28,0	-3,0	52,6
Кыргызстан	10,0	-5,0	-10,0	-18,0	-2,0	61,8	12,0	3,0	9,0	8,0	4,0	87,3
Таджикистан	-4,4	18,0	-16,0	-9,0	0,2	60,0	-9,0	0,2	6,0	3,0	12,0	66,9
Туркменистан	-4,0	9,0	8,0	11,0	-7,0	78,1	-49,0	14,0	30,0	26,0	17,0	87,0
Узбекистан	1,0	-6,0	1,0	-8,0	2,0	88,2	-6,0	6,0	4,0	5,9	3,2	99,9

Рассчитано и составлено по: Содружество Независимых Государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 218, 233, 278, 293, 308; Основные показатели социально-экономического развития Республики Узбекистан за 2000 г. С. 149; Социально-экономическое положение Туркменистана за январь-декабрь 1999 г. С. 3; Содружество Независимых Государств в 1999 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 216, 231, 276, 291, 306; Содружество Независимых Государств в 1998 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 214, 229, 274, 286, 304; European Bank for Reconstruction and Development Transition Report. 1999. P. 73,273,277.

В Туркменистане в 1996-1997 гг. продолжающееся падение экспорта и соответственно производства природного газа продолжало тянуть вниз и валовой внутренний продукт. По оценкам Европейского банка реконструкции и развития, ВВП этой страны в 1996 г. сократился на 8%, а в 1997 г. дополнительно просел более чем на четверть.

В 1998 г. положительные темпы роста наблюдались во всех центральноазиатских экономиках, за исключением казахской. Казахстан пережил один из самых сложных за последние несколько десятилетий сельскохозяйственный год. Аграрное производство здесь сократилось на 19%, что стало главной причиной снижения ВВП. Значительный вклад в падение последнего внесло и сокращение промышленного производства.

И все же экономическая катастрофа, судя по всему, осталась позади. С середины десятилетия ведущая экономика региона - Казахстан (правда, с перерывом на 1998 г.), а также Кыргызстан и Узбекистан демонстрируют устойчивые положительные темпы роста валового внутреннего продукта. В 1997 г. к этой тройке присоединился Таджикистан, а в 1998 г. - Туркменистан.

В 2000 г. ВВП Таджикистана вырос более чем на 8%, Казахстана почти на 10%, а Туркменистана - 18%. В Кыргызстане валовой внутренний продукт увеличился на 5%, а Узбекистане - на 4%. Во всех центрально-азиатских странах, за исключением Туркменистана, уровень ВВП в 2000 г. был на 15-30% выше в сравнении с серединой десятилетия.

Еще быстрее восстанавливается производство в тех секторах экономики, где был зафиксирован наиболее глубокий спад. Для Казахстана и Кыргызстана это промышленность, для Таджикистана - сельское хозяйство. В Кыргызстане промышленное производство в 1996-2000 гг. выросло на 55%, а аграрное производство - на 41 %. В Узбекистане же положительная динамика в промышленности прервалась лишь в 1992 г., и в 2000 г. уровень индустриального производства здесь почти на четверть превышал показатель начала десятилетия. Практически восстановило прежний объем производства узбекское сельское хозяйство.

Перемены к лучшему не стоит переоценивать. Масштабы экономического спада в Центральной Азии являются беспрецедентными. После десяти лет независимого развития ни в одном государстве не был восстановлен уровень производства, зафиксированный на 1990 г., когда бывшие среднеазиатские республики и Казахстан являлись, как продолжают настаивать многие исследователи, "колониями" России. Если исключить Узбекистан, который в 2001 г. превзойдет "позднеколониальный" объем производства и вступит в поствосстановительный период², в остальных четырех государствах региона, несмотря на несомненные положительные перемены, восстановительный период еще далек от завершения. При среднегодовых темпах роста в 3% Казахстан и Кыргызстан завершат восстановительный период в 2008-2009 гг., в 4% - в 2006 г., в 5% - в 2005 г. Для Таджикистана соответствующими годами будут 2014-2015, 2011 и 2008. Между тем даже разрушенному восьмилетней войной за независимость Алжиру, экономика

которого испытала к тому же мощный шок из-за бегства нескольких сот тысяч французов, контролировавших наиболее эффективные сферы экономической деятельности, потребовалось всего восемь лет для того, чтобы превзойти наивысший уровень производства, достигнутый в период колониального развития³.

Туркменистан и впредь будет, скорее всего, развиваться рывками, в зависимости от того, какое количество природного газа ему удастся экспортировать в Россию и на мировой рынок. При благоприятном развитии событий эта страна способна в очень короткие сроки восстановить объем производства, достигнутый к моменту обретения независимости.

Есть веские основания полагать, что, во-первых, энергия спада первой половины 90-х гг. выдохлась сама по себе безотносительно к усилиям постсоветских государств, во-вторых, после завершения относительно легкого восстановительного подъема каждый новый процент прироста ВВП будет даваться центрально-азиатским государствам со все возрастающими трудностями.

3.2. Развод на постсоветском пространстве

Развод на постсоветском пространстве и формирование на обломках единого советского народного хозяйства самостоятельных государств и национальных экономик вызвали грандиозное перераспределение потоков ресурсов и факторов производства. Не секрет, что экономическая структура во всех бывших советских республиках была создана за счет материальных и квазифинансовых ресурсов всего Союза. В значительной своей части республиканские народнохозяйственные комплексы управлялись напрямую из центра и поддерживались за счет постоянного притока ресурсов из других республик. Во многом за счет притока ресурсов извне формировались и республиканские бюджеты, а значит и экономическая, и социальная политика республиканских правительств.

Мобильность факторов производства в этой системе была необыкновенно высока, но обеспечивалась главным образом внеэкономическими методами. Особенно это справедливо для труда. В 1920-1970 гг. Центральная Азия приняла несколько миллионов мигрантов, преиму-

щественно из России, Белоруссии и с Украины. Движение населения в обратном направлении было много скромнее.

В Центральной Азии особенно крупные (относительно их собственного на тот момент населения) контингенты пришлого населения приняли Казахстан и Кыргызстан. В конце 50-х гг. удельный вес нетитульных национальностей в совокупном населении Казахстана достиг 70%, а в Кыргызстане - 60%. Между тем в 1926 г. перед началом интенсивного советского освоения Центральной Азии соответствующие показатели составляли всего 38,9% и 34% (см. табл. 4). Значительно, хотя и в меньшей степени, выросло и пришлое население в Таджикистане. Миграция в Туркмению и особенно Узбекистан была сравнительно менее интенсивной. Однако и эти две республики приняли относительно большое количество мигрантов в сравнении с Закавказскими республиками.

Таблица 2.

Экономические взаимозависимости на общесоюзном пространстве

	Доля нетитульных народов в занятости, 1987		Доля нетитульных народов в населении				Удельный вес промышленности общесоюзного подчинения в совокупных индикаторах, 1989		
	Вся промышленность	экономика	1926	1959	1979	1989	Производство	Занятость	Основные фонды
Азербайджан	22	31		32,5	21,9	17,3	46,7	50,6	81,4
Армения	10	31	15,6	11,0	10,3	6,7	50,8	54,3	71,9
Грузия	31	39	32,9	35,7	31,2	29,9	31,4	41,9	65,9
Казахстан	64	79	38,9	70,0	64,0	60,3	49,5	50,7	67,0
Кыргызстан	52	75	34,0	59,5	52,1	47,6	33,0	45,9	69,0
Таджикистан	41	52	40,0	46,9	41,2	37,3	28,9	32,1	72,4
Туркменистан	32	47	27,9	39,1	31,6	28,0	37,0	30,5	83,0
Узбекистан	31	47	27,7	37,9	31,3	28,6	34,8	35,5	66,1

Источники: Народное хозяйство СССР в 1989 г. С. 331; Об основных показателях всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. С. 10; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Том II. С. 5-11; Население союзных республик. С. 11,119,139,141, 157,264,266,278.

Не удивительно поэтому, что во всех пяти центральноазиатских странах нетитульное население обеспечивало значительную долю занятых в экономике. В 1987 г. в Казахстане и Кыргызстане удельный вес представителей нетитульных народов в совокупной рабочей силе превышал 50%, а в Таджикистане - 40%. В Туркменистане и Узбекистане на них приходилось около трети рабочей силы.

Особо значимую экономическую роль представители нетитульных народов играли в индустриальном секторе. В казахстанской промышленности их удельный вес достигал четырех пятых (!), а в кыргызской - трех четвертых (!) всех занятых. В таджикской промышленности удельный вес нетитульных национальностей превышал, а в туркменской и узбекской - приближался к 50%.

Таким образом, общеэкономический и особенно промышленный рост в среднеазиатских республиках и Казахстане в советский период опирался преимущественно, либо в значительной мере, на пришлую рабочую силу.

Распад СССР кардинально переориентировал направление миграционных потоков в сторону России. Точнее говоря, отток не титульных народов из Центральной Азии начался еще во второй половине 70-х гг. В 80-е гг., особенно со второй их половины, этот отток резко интенсифицировался. С 1989 г. миграция из Центральной Азии, особенно из Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, приняла обвальный характер. В 1989-1996 гг. чистая миграция (отток минус приток) из Кыргызстана составила 8,6% от населения этой страны в 1989 г. Для Казахстана соответствующий показатель составил 7,9%, Таджикистана - 5,2%, Узбекистана - 3,6% (см. табл. 5). Отток русских был более значительным. Причем особенно активно русские покидали Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан.

Понятно, что массовый спрессованный во времени отъезд населения, которое традиционно составляло костяк промышленной занятости, спровоцировал глубочайший общеэкономический спад и обвал промышленности. Особенно крупные масштабы этот процесс приобрел в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане.

Казалось, что к 1996-1997 гг. интенсивность оттока населения из Центральноазиатского региона снизилась. Однако делать окончательные выводы о полном его затухании преждевременно. Ползучее распространение в регионе спекулирующих на исламе терроризма и насилия, которое, к сожалению, будет неизбежно лишь расширяться и усиливаться, способно подтолкнуть новую миграционную волну. Так, например, после распространения террористических действий на территории Кыргызстана летом-осенью 1999 г. миграция русскоязычных существенно увеличилась по сравнению с относительно спокойными 1996-1998 гг.⁴

Таблица 3

Миграционные потери государств Центральной Азии

	Чистая миграция в 1989-1996 гг % от совокупного населения на 1989 г	Чистая миграция русских в 1989-1996 гг, % от числа русских в 1989 г
Казахстан	-7,9	-10,5
Кыргызстан	-8,6	-21,8
Таджикистан	-5,2	-48,3
Туркменистан	0,0	-16,4
Узбекистан	-3,6	-21,7

Источник: Heleniak T. Mass Migration in Post-Soviet Space // Transition. № 8. World Bank. August. 1997. P. 16.

Масштабы и интенсивность миграции определяется не только факторами выталкивания (push factors). Стоит отметить, что со стороны России объективно действуют и мощные факторы притяжения (pull factors). Численность российского населения неуклонно снижается примерно на 1 млн чел в год, и российская экономика остро нуждается в притоке квалифицированных и дисциплинированных рабочих рук. К тому же при всех сложностях переходного периода уровень жизни в России остается выше, чем в остальных государствах-членах СНГ.

Распад единого экономического пространства привел также к резкому сокращению ресурсных и квазифинансовых потоков, которые Центральная Азия прежде получала из центра. В 1991 г только финансовые гранты и субсидии из общесоюзного бюджета достигали 7,4% ВВП Казахстана, 9,6% - Туркменистана, 12,5% - Кыргызстана, 19,5% - Узбекистана и 23,3% - Таджикистана (см табл 6)

Показательно, что в последние годы существования СССР относительное значение грантов из общесоюзного бюджета для центральноазиатских экономик заметно выросло. Помимо прямых субсидий большинство бывших республик дотировалось за счет низких цен на энергоносители и сырье, шедшие через общесоюзные министерства и главки. Так, по расчетам президента А. Акаева, прямые и косвенные субсидии Кыргызстану на излете существования Советского Союза достигали 30% ВВП.⁵

Справедливости ради необходимо отметить, что и среднеазиатские республики и Казахстан субсидировали центр и прочие республики Узбекские золото и уран, казахстанские цветные и редкие металлы, туркменский газ поступали напрямую в общесоюзное пользование, минуя республиканские бюджеты. Составить в настоящее время полный баланс взаимных субсидий между республиками не представляется возможным. И все же не вызывает сомнений, что из центральноазиатской пятерки лишь Туркмения не была дотационной республикой, а напротив, субсидировала остальных.

Таблица 4

Гранты из общесоюзного бюджета, % от республиканских ВВП

	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Азербайджан				2,8	2,3	3,5	5,3	13,6
Армения	4,0	2,1	3,3	2,3	3,8	24,1	7,4	8,2
Грузия						2,4	6,2	
Казахстан				6,6	9,5	11,3	13,1	7,4
Кыргызстан				6,4	9,1	7,2	11,2	12,5
Таджикистан	1,5	4,5	9,2	9,4	9,4	9,8	19,2	23,3
Туркменистан				3,9	5,4	6,5	9,6	9,6
Узбекистан				7,0	7,8	9,4	19,4	19,5

Подсчитано по Государства бывшего Советского Союза Статистический сборник С 55 103, 247, 295, 343,487, 583, 631, 679, 727

Лишь за последние пятнадцать лет пребывания в составе СССР Туркменская Советская Социалистическая Республика поставила на всесоюзный и мировой рынок 1 трлн 350 млрд куб м природного газа оценочной стоимостью более 100 млрд долл. Обратные же трансферты из общесоюзного бюджета составили только 2 млрд долл.⁶ По оценкам специалистов Мирового банка в 1990 г Туркмения через заниженные цены на газ субсидировала остальные советские республики в размере 9,3% своего ВВП.⁷

После распада СССР поток ресурсов, субсидий и грантов постепенно иссяк, хотя и в 1992-1994 гг Россия продолжала существенно дотировать остальные республики, включая центрально-азиатские.⁸ В первую очередь от сокращения субсидий пострадал тот сектор промышленности, который лишь формально мог считаться республикан-

ским, а на деле управлялся из центра. В Казахстане, например, на этот сектор приходилось в 1989 г. более двух третей основных фондов промышленности, более половины промышленной занятости и около половины индустриального выпуска (см. табл. 4).

Есть достаточные основания считать, что негативный шок от распада единой экономической системы практически исчерпал свою энергию. Соответственно выдохся или близок к тому и спровоцированный этим шоком производственный обвал. Именно это имело место в виду выше, когда речь шла о том, что производственный спад подошел к концу вне зависимости от усилий национальных правительств.

3.3. Ситуация в инвестиционной сфере

Несмотря на определенное оживление экономической активности во второй половине 90-х гг., ряд моментов позволяет утверждать, что центральноазиатские государства далеки от выхода на устойчивую траекторию развития. Такой вывод основан, прежде всего, на динамике инвестиций.

В 1991-1995 гг. параллельно с общеэкономическим и отраслевым спадом в регионе произошел обвал в инвестиционной сфере. Объем капиталовложений в 1995 г. в Казахстане составлял менее одной пятой от уровня 1990 г. (см. табл. 5). В Кыргызстане за те же годы инвестиции сократились на 50%, а Узбекистане - на 62%. Лишь в Туркменистане, если судить по официальным данным, в 1991-1993 гг. наблюдался существенный рост инвестиций. Однако надежность этих данных более чем сомнительна, а с 1994 г. Статистический комитет СНГ прекратил публиковать статистику по динамике капиталовложений в этой стране, по-видимому, ввиду ее очевидной неадекватности.

Нехватка капитала считается основным препятствием для преодоления порочного круга слаборазвитости со времен классических работ П. Розенштейна-Родана и Р. Нурксе.⁹ Приоритетность капитала как главного фактора, влияющего на динамику производства, подтверждается практически всеми исследованиями, посвященными изучению закономерностей экономического роста, включая эконометрические. Так, регрессионный анализ с использованием широкого круга показателей, характеризующих экономическую политику, экономическую

структуру, уровень развития, политическую ситуацию и т. д., показывает, что только удельный вес инвестиций в ВВП имеет положительную и робастную корреляцию с экономическим ростом¹⁰. Для центральноазиатских, как и всех постсоветских, государств исключительная роль капитала дополнительно усиливается их повсеместной трудоизбыточностью.

Относительно сопоставимая статистика инвестиций за 90-е гг. имеется лишь по четырем странам - Казахстану, Кыргызстану и в меньшей степени по Узбекистану и особенно Таджикистану. При общем низком ее качестве узбекская статистика отличается особенно малой достоверностью. Трудно логически объяснить, почему в 1994-1997 гг. норма валового накопления в Узбекистане была существенно ниже в сравнении с нормой валового накопления основного капитала. В 1997 г. разрыв между этими двумя показателями достиг 15,8% ВВП (!) и практически равнялся всему валовому накоплению. Столь очевидные несуразицы лишний раз подчеркивают условность всей официальной статистики национальных счетов Узбекистана. Очевидно, что показатель изменения запасов здесь используется в качестве технической переменной, позволяющей осуществить необходимые балансировки отдельных агрегатов при оценке валового внутреннего продукта на стадии использования.

Как бы то ни было, информация, обобщенная в табл. 5, позволяет сделать ряд принципиальных выводов о характере инвестиционного процесса в четырех странах, а значит, и о среднесрочных перспективах их экономического развития. Во-первых, в 90-е гг. абсолютный уровень капиталовложений резко сократился повсюду в регионе, но особенно в Казахстане и Кыргызстане. Инвестиции в основной капитал в этих двух странах, несмотря на некоторое оживление во второй половине 90-х гг., составляли в 2000 г. соответственно всего лишь 29% и 46% от уровней 1990 г. В Узбекистане за 1991 -1999 гг. объем капиталовложений упал на 45%.

Во-вторых, достаточно низкой остается в странах региона норма валового накопления основного капитала. В Казахстане в 1995—гг. в среднем она составляла 18,8% при максимальном значении 22,3% в 1995 г. В Кыргызстане соответствующие показатели в 1995-гг. составляли 15,5% и 22,4%, причем к концу обозначенного периода норма накопления упала до всего 10%. В Таджикистане норма

накопления во второй половине 90-х гг. была чуть выше, чем в Кыргызстане, однако причина этого в необычайно низком абсолютном ВВП. Лишь в Узбекистане, если судить по официальным данным, в 1995-1997 гг. норма накопления основного капитала не опускалась ниже 25% при максимуме в 36,8%, зафиксированном в 1996 г. Однако достоверность этих данных, как уже говорилось, вызывает серьезные сомнения. К тому же если ориентироваться на норму валового накопления, то узбекская экономика мало отличается от соседних.

Таблица 5

Инвестиционный процесс в странах Центральной Азии в 90-е гг

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Валовые капиталовложения (% от ВВП)											
Казахстан	45,1	26,2	31,8	21,4	26,8	22,5	16,9	16,2	17,2	13,5	
Кыргызстан	24,2	15,4	19,9	11,6	9,0	18,4	25,2	21,7	15,4		
Таджикистан	15,0	15,7	28,0	52,1	36,5	31,5	22,3	19,7	15,4		
Туркменистан											
Узбекистан	32,2	26,8	43,9	14,6	18,3	24,2	23,0	18,9	14,8	17,1	15,9
Валовые вложения в основной капитал (% от ВВП)											
Казахстан	37,7	30,0	31,2	29,7	24,4	22,3	18,1	16,9	17,1	10,3	
Кыргызстан	22,0	15,9	14,3	13,1	12,1	20,4	22,4	12,4	12,0		
Таджикистан	8,3	6,9	9,3	14,9	23,8	23,5	13,3	17,7	13,4		
Туркменистан											
Узбекистан	30,7	25,1	26,5	25,1	26,2	33,0	36,8	33,8	30,4	27,1	25,0
Динамика капиталовложений (1990=100)											
Казахстан	100	100,5	53,3	32,2	27,3	17,2	10,5	11,8	16,7	22,0	28,6
Кыргызстан	100	86	64,5	49,7	27,3	49,7	59,2	56,8	36,3	44,3	46,1
Таджикистан	100	85	49,3	79,3	28,1						
Туркменистан	100	111	133,2	231,8							
Узбекистан	100	105	71,4	46,4	36,2	37,6	40,3	47,1	54,2	55,3	55,8
Чистое накопление основного капитала (% от ВВП)											
Казахстан	19,3	9,3	9,8	10,3	8,9	3,2	-0,7	-0,7	3,4		
Кыргызстан	5,8	5,5	4,8	2,9	1,9	10,2	9,7	0,2			

Подсчитано и составлено по: Содружество Независимых Государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 218,233; Социально-экономическое положение Республики Казахстан, январь-декабрь 2000. С. 48; Основные показатели социально-экономического развития Республики Узбекистан за 2000 г. С. 154, 183; Содружество Независимых Государств в 1999 году: Статистический ежегодник. С. 274, 276-277, 296, 323, 346, 470; Содружество Независимых Государств в 1999 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 44, 216, 228, 275, 291, 306; Национальные счета Содружества независимых государств, 1999. С. 36-43,48, 161, 195; Содружество Независимых Государств в 1998 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 32, 37, 212,229,274,287; Содружество независимых государств в 1998 году: Статистический ежегодник. С. 80-84, 309, 360, 486, 507, 564, 581; Туркменистан в цифрах в 1995 году. С. 63; Uzbekistan Economic Trends Quarterly Issue October-December 2000. P. 135; Statistical Handbook. 1996. States of the Former Soviet Union .P. 206, 207, 240-241, 420,450-451,513-513.

В-третьих, во всех странах усиливается зависимость инвестиционного процесса от внешних факторов. Подробнее этот сюжет анализируется в гл. 5. Здесь достаточно ограничиться констатацией того обстоятельства, что при мизерных объемах внутренних накоплений приток прямых инвестиций и займов из-за рубежа стал решающим фактором экономического роста в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане.

В-четвертых, и это - самое тревожное, во второй половине 90-х гг. норма чистого накопления (разница между нормой валового накопления основного капитала и его текущим потреблением) приблизилась к нулю (Кыргызстан) или даже стала отрицательной (Казахстан в 1996 и 1997 гг.). Это означает, что обе страны вступили в стадию "проедания" основного капитала, иначе говоря, в стадию дезинвестирования. По-видимому, аналогичная ситуация складывается и в Таджикистане. Макроэкономические последствия этого процесса окажутся удручающими. "Инвестиционная зима" на протяжении целого десятилетия уже в ближайшие годы грозит обернуться массовым и одномоментным выбытием основных производственных фондов, которые невозможно эксплуатировать до бесконечности. Разрушение технологической базы экономики спровоцирует новый цикл ее примитивизации.

Судя по динамике капиталовложений, в Казахстане с 1997 г. наметились слабые позитивные изменения в инвестиционной сфере. В 1997-2000 гг. капиталовложения здесь ежегодно увеличивались более чем на 30%, однако столь заметный рост объясняется в первую очередь чрезвычайно низким стартовым уровнем. Во многом по этой причине в абсолютном выражении масса капиталовложений остается незначительной. Низкой остается и норма накопления, которая в 1996-1998 гг. застыла на уровне 17-18%. Очевидно, что, несмотря на слабые позитивные подвижки в последние два-три года, новые инвестиции в основной капитал лишь частично компенсируют выбытие производственных фондов и явно недостаточны для создания надежной основы для поддержания устойчивых положительных темпов роста в среднесрочной и долговременной перспективе.

В Узбекистане рост инвестиций был восстановлен в 1995 г. и с тех пор идет по нарастающей. В этой стране в 1994-1998 гг. наблюдалось не только увеличение массы инвестиций, но и норма накопления по региональным меркам оставалась сравнительно высокой. Особенно впечатляюще выглядит норма накопления основного капитала, ко-

торая в отдельные годы достигала 35%. Поэтому в сравнении с Казахстаном и Кыргызстаном перспективы роста в Узбекистане смотрятся предпочтительнее. Правда, не исключено, что высокая норма инвестиций в основной капитал в Узбекистане представляет собой виртуальный статистический феномен. По показателям валового накопления эта страна не выделяется среди соседей.

К тому же имеющаяся в распоряжении исследователей статистика не позволяет квалифицированно судить о качестве инвестиционного процесса в Узбекистане. Существует множество косвенных признаков того, что инвестиционные ресурсы, объем и структура которых здесь полностью контролируются государством административными методами, используется далеко не оптимально. Весьма вероятно, что, как и в бывшем СССР, формируемая в этой центральноазиатской республике экономическая структура будет не в состоянии продуцировать устойчивый самоподдерживающийся рост. Масса инвестиций в Узбекистане существенно сократилась по сравнению с советским периодом. В 1995 г капиталовложения составляли здесь 38% от уровня 1990 г, а в 1999 г.-55,3%

Намного хуже ситуация в Кыргызстане. После обеспеченного притоком иностранного капитала инвестиционного всплеска 1995—1996 гг. в 1997 г и особенно 1998 г. инвестиции вновь сократились на 50% Казалось в 1999 г. здесь начался новый инвестиционный всплеск, но он, к сожалению, оказался недолговечным.

3.4. Феномены переходной экономики

На продолжение экономического спада в центральноазиатских странах работают и такие феномены переходной экономики как неплатежи и массовая финансовая несостоятельность предприятий реального сектора.

Феномен неплатежей детально изучен на примере России, но в полной мере он присущ и экономикам Центральной Азии. Неплатежи - это особый вид кредита предприятий друг другу, к которому они прибегают для преодоления нехватки оборотных средств и спросовых ограничений на свою продукцию. Проще говоря, предприятия поставляют друг другу продукцию бесплатно, накапливая взаимную задолженность и рассчитывая при этом (надо сказать, не без оснований) на

то, что рано или поздно эта задолженность будет списана правительством. Последнее само является мощным генератором неплатежей, так как регулярно отказывается оплачивать государственный заказ и недофинансирует бюджетные расходы. Более того, правительство поощряет и небюджетные неплатежи, например, регулярно заставляя нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия в обязательном порядке снабжать неплатежеспособный аграрный сектор топливом и горюче-смазочными материалами или запрещая электроэнергетикам отключать неплатежеспособных конечных потребителей от электро- и теплоснабжения.

Неплатежи, следовательно, представляют собой особый вид денег, эмитируемых непосредственно реальным сектором для того, чтобы преодолеть ограничения относительно жесткой денежно-кредитной политики денежных властей. При всей квазимонетаристской риторике постсоветских правительств практически все они не только закрывали глаза на денежную эмиссию, осуществляемую самими производителями, но и активно поощряли ее. Иная политика была бы равносильна политическому самоубийству, так как подавляющая часть унаследованной от советского прошлого экономической структуры абсолютно нежизнеспособна в новой конфигурации производственных издержек и спросовых ограничений.

По-видимому, по той же причине на феномене неподконтрольной денежной эмиссии не заикливались до последнего времени и международные финансовые организации, кредитующие и интеллектуально направляющие процесс рыночного перехода в постсоветском пространстве. В противном случае с самого начала было бы предельно очевидно, что спонсируемые Международным валютным фондом и Мировым банком "стабилизационные программы" в действительности сводятся преимущественно к демонтажу той экономической структуры, которую новые независимые государства унаследовали от бывшего СССР. Причем демонтаж не сопровождался сопоставимой заменой разрушающихся производств дееспособными рыночными структурами

Особенно значительную часть текущей экономической деятельности неплатежи в центральноазиатских странах опосредовали в середине 90-х гг. В Узбекистане, например, отношение кредиторской задолженности к ВВП в 1995 г составляло 40,2%, а в 1996 г - 40,3%.

(см. табл. 6). Показатели же просроченной кредиторской задолженности, то есть неплатежи со сроком более трех месяцев, достигали соответственно 10,7% и 13,3%.

В Кыргызстане, где разрушение унаследованной от СССР экономической структуры осуществлялось наиболее последовательно, отношение кредиторской задолженности к валовому внутреннему продукту снизилось с 33,5% в 1995 г. до 21,8% в 1997 г., но затем вновь увеличилось до 26,5% в 1999 г. При этом удельный вес просроченной кредиторской задолженности в ВВП все эти годы колебался около отметки в 5%.

Самая напряженная ситуация с неплатежами складывалась в Казахстане, где просроченная кредиторская задолженность в 1995-1998 гг. не опускалась ниже 35% валового внутреннего продукта. В 2000 г. отношение совокупной кредиторской задолженности к ВВП составляло здесь 73,6%, что на одиннадцать процентных пунктов выше, чем в середине десятилетия. В 1998 г объем просроченной кредиторской задолженности более чем в 4 раза превышал денежную массу $M2^{11}$.

Таблица 6

Неплатежи в центрально-азиатских экономиках

	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Удельный вес кредиторской задолженности в ВВП, %						
Казахстан	62,6	72,0		87,5	82,8	73,6
Кыргызстан	33,5	23,1	21,8	23,1	26,5	
Узбекистан	40,2	40,3	23,4	39,0*		
Удельный вес просроченной кредиторской задолженности в ВВП, %						
Казахстан	36,3	37,7		35,0	17,4	13,4
Кыргызстан	5,6	5,6	3,9	4,7	5,1	
Узбекистан	10,7	13,3	8,2	13,4*		

* — объем неплатежей на 1 октября 1998

Подсчитано по: Содружество Независимых Государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов) С. 207-221. Основные показатели социально-экономического развития Республики Узбекистан за 2000 г. С. 151; Социально-экономическое развитие Республики Казахстан. Январь 2001. С. 9.

При этом огромная кредиторская задолженность предприятий, организаций, банков и бюджетов различных уровней друг другу не единственный "транзитный пузырь", надувшийся в казахской эконо-

мике К началу 1999 г задолженность по заработной плате достигала здесь 69% от суммы наличных денег, обращающихся в национальной экономике¹². По идее, погашение только этих долгов - а помимо того имеются также задолженности по выплатам пенсий и социальных пособий - должно во многом свести на нет многолетние усилия правительства по стабилизации потребительской инфляции

Феномен неплатежей подчеркивает условность денежной оценки валового внутреннего продукта во всех центральноазиатских экономиках. С рыночной точки зрения, значительная часть экономической активности в этих странах по-прежнему фиктивна и не будет сохранена в нормальных условиях. Даже в относительно благополучном с точки зрения положения с неплатежами Кыргызстане фиктивными являются как минимум 5-7% ВВП. В Казахстане лишней в рыночных условиях окажется около одной седьмой - одной пятой валового внутреннего продукта.

В действительности ликвидация механизма неплатежей обернется более глубоким сокращением экономической активности, чем это следует из отношения просроченной кредиторской задолженности к валовому внутреннему продукту. Дело в том, что подавляющая часть задолженности приходится на электроэнергетику и топливный сектор, то есть отрасли, стоящие в самом начале разветвленных производственных цепочек. В экономике с плотной сетью прямых и обратных межотраслевых связей сокращение производства в топливно-энергетическом комплексе на один процентный пункт вызовет заметно более глубокое падение выпуска в отраслях-потребителях первичной продукции.

Зеркальным по отношению к неплатежам индикатором, свидетельствующим о незавершенности производственного спада, служит удручающее финансовое состояние предприятий. В Казахстане, например, в 1998 г. 51,5% всех предприятий и организаций, вовлеченных в экономическую деятельность, были убыточны¹³. Годом ранее, по которому мы располагаем более полной информацией, 30% предприятий казахской промышленности производили так называемую «отрицательную добавленную стоимость». В электроэнергетике удельный вес таких предприятий достигал 40% от их общего числа, пищевой промышленности - 37%, машиностроения - 35%, металлургии - 30%, топливной промышленности - 22%¹⁴. С точки зрения перспектив возможного

спада при ликвидации навеса неплатежей и банкротстве убыточных предприятий еще более показательно то обстоятельство, что с убытками производилось 26% всей вырабатываемой в стране электроэнергии¹⁵. Стоит ли говорить, что работа в убыток, или производство отрицательной добавленной стоимости, - характерная черта не только казахской, но и всех других центральноазиатских экономик. Причем особенно широко убыточные производства представлены в сельском хозяйстве.

С 1998 г. как абсолютный объем неплатежей в реальном выражении (то есть с поправкой на инфляцию), так и их относительный объем (в % от ВВП и/или денежной массы) в транзитных постсоветских экономиках начал постепенно рассасываться. Это объясняется двумя причинами. С одной стороны, глубокая девальвация национальных валют при сохранении административного контроля над ценами на энергоносители способствовали сокращению производственных издержек. Внутренние цены на первичные энергоносители и электроэнергию перестали подтягиваться к условным среднемировым уровням, как это происходило в 1992-1997 гг., а напротив, снизились относительно последних. Национальные производители как бы вернулись, хотя и в не полной мере, к ситуации очень дешевых энергоресурсов.

С другой стороны, рост доходов от экспорта энергоносителей, вызванный резким подъемом мировых энергетических цен и наращиванием физических объемов экспорта ресурсов, привел к увеличению поступлений в государственный бюджет, что, в свою очередь, позволило таким государствам, как Казахстан, несколько увеличить расходы, перераспределяемые от экспортного сектора к отраслям, обслуживающим внутренний рынок. Решающее значение, однако, имело все-таки снижение внутренних цен на энергоресурсы.

Оба фактора, обеспечившие рассасывание неплатежей, имеют одну природу - более равномерное размазывание природной ренты по национальной экономике. В принципе, использование природной ренты - единственная возможность для постсоветских государств хоть как-то прищипорить свое экономическое развитие. Есть, однако, веские основания полагать, что внезапно появившиеся дополнительные рентные доходы были размазаны по отраслям и предприятиям безотносительно к финансовым результатам их деятельности. Такая ситуация была запрограммирована всей предшествующей историей развития центральноазиатских экономик.

Все это означает, что качество возобновившегося в регионе экономического роста остается невысоким. В перспективе такой рост может легко обернуться новым производственным обвалом. Резкое увеличение природной ренты вслед за ростом мировых цен на энерго-ресурсы и минеральное сырье может смениться столь же резким ее сокращением. В этом случае можно уверенно прогнозировать, что новая волна производственного спада будет сопровождаться новым всплеском неплатежей.

3.5. Модификация официальной статистики

Особо стоит отметить то обстоятельство, что официальные показатели, характеризующие экономическую динамику в постсоветских странах, вызывают растущие сомнения. По мере стабилизации в центральноазиатских государствах режимов неограниченной личной власти местные статистические службы стали прибегать ко все более изощренным манипуляциям, позволяющим представить экономическую ситуацию в более благоприятном свете. Для информационно непрозрачных Узбекистана и Туркменистана "улучшение" статистических показателей является нормой. Однако ухищрения стали типичными и для таких в целом информационно открытых стран, как Кыргызстан и Казахстан. Причем зачастую в "улучшении" национальной статистики вольно или невольно принимают участие и международные эксперты.

За этим стоят вполне реальные экономические процессы. Значительная часть производства в постсоветских государствах находится в тени. По масштабам и степени воздействия на экономическую и социальную жизнь теневизация 90-х гг. стоит в одном ряду с коллективизацией и индустриализацией 20-30-х гг. XX в. Главная причина ухода экономики в тень - необыкновенно быстрое по историческим меркам формирование института частной собственности на природные ресурсы, производственные активы и финансовые потоки. Истинные собственники, подавляющая часть которых вышла из высших звеньев бывшей советской номенклатуры, не заинтересована в установлении и закреплении открытых правил игры. Дополнительно теневизация подпитывается неплатежами и всеобщим уклонением от налогообложения.

Наиболее распространенным методом косвенной оценки масштабов теневой экономики в транзитных государствах является метод, основанный на сопоставлении динамики физических объемов ВВП и производства и потребления электроэнергии. Менее глубокое сокращение потребления электроэнергии в сравнении с падением объемов производства свидетельствует об уходе значительной части экономической активности за пределы официального статистического учета.

Оценки масштабов теневой экономики в центральноазиатских странах представлены в табл. 7. Если согласиться с приведенными оценками, то окажется, что в середине 90-х гг. в Казахстане теневой сектор давал от 27,5% до 34,3%, Узбекистане - от 6,5% до 22,8% и Кыргызстане - до 26% валового внутреннего продукта.

Таблица 7

Оценки теневого сектора в центрально-азиатских экономиках

	По оценке Джонсона, Кауфмана и Шлейфера				По оценке Лацко			
	К официальному ВВП, %		К совокупному ВВП, %		К официальному ВВП, %		К совокупному ВВП, %	
	1989	1995	1989	1995	1989	1985	1989	1995
Казахстан	13,6	52,2	12,0	34,3	12,0	37,9	10,7	27,5
Кыргызстан					12,9	35,1	11,4	26,0
Узбекистан	13,6	7,0	12,0	6,5	12,0	29,5	10,7	22,8

Составлено и подсчитано по: Lacko M. Hidden Economy - An Unknown Quantity? P. 135-137.

По другим доступным нам оценкам, в Узбекистане теневой сектор достигает 28% ВВП, а в аграрном секторе этой страны в тени находится до 62% производства.

Однажды скорректировав старые показатели валового внутреннего продукта, за счет включения в него продукции теневого сектора, национальные статистические службы продолжают ряды ВВП на новой базе. В этом плане весьма показателен пример Казахстана, где с 1996 г. объем валового внутреннего продукта корректируется с учетом досчетов производства в секторе "домашних хозяйств". Согласно официальным выкладкам в 1996 г. "домашние хозяйства" произвели 26,1 % (!) ВВП, причем в добавленной стоимости в сельском хозяйстве их удельный вес составил 61 %, на транспорте - 45,1 % и в торгов-

ле - 34,4%. Даже в промышленности "домашние хозяйства" обеспечили 9,7% валовой добавленной стоимости, а строительстве - 12%¹⁶.

Естественно, что столь существенные корректировки, методика которых слабо поддается независимой проверке, заметно влияют на темповые характеристики. Кардинальная статистическая корректировка полностью меняет рисунок экономической динамики в 1996г. Если без учета продукции сектора "домашних хозяйств" промышленное производство сжалось на 9,1%, то с ее учетом оно выросло на 0,3%. Аналогичные результаты статистическая корректировка приносит и на макроуровне. В 1997 г., например, казахский ВВП без учета сектора "домашних хозяйств" сократился на 3%, а с его учетом - вырос на 2%. Этот рост объясняется исключительно тем, что выпуск продукции "домашними хозяйствами" фантастически увеличился на 76%¹⁷. Обобщая, можно сказать, что учет продукции "домашних хозяйств" позволяет показать меньшую глубину промышленного, а значит - и общеэкономического спада на всем протяжении второй половины 90-х гг.

На наш взгляд, все транзитные государства, включая центральноазиатские, преувеличивают масштабы теневого производства. Теневая экономика на постсоветском пространстве, особенно ближе к концу 90-х гг., слабо связана с национальным производством и имеет отношение скорее к стадии перераспределения, чем производства. В силу самых разных причин в слабо контролируемых постсоветских финансовых системах сложились благоприятные условия для отмывания и легализации капитала любого происхождения.

Из этого следует, что в случае восстановления контроля над национальными финансами теневой сектор в постсоветских экономиках сдуется столь же легко, как он надулся в период финансового хаоса. Поэтому надежды на то, что в случае появления прозрачных правил игры и возвращения государства к его естественной роли «ночного сторожа», обеспечивающего права собственников, дисциплину контрактов и легальный характер ресурсных и финансовых потоков, детенизация обернется заметной прибавкой ВВП, по-видимому, безосновательны.

Подведем главные итоги. Многие обстоятельства заставляют очень осторожно оценивать относительные экономические успехи, продемонстрированные центральноазиатскими государствами во второй половине 90-х гг. Говорить о выходе центрально-азиатских эконо-

мик на траекторию устойчивого экономического роста несколько преждевременно. Понятно, что после глубочайшего провала в первой половине 90-х гг. здесь возможно обеспечить достаточно, а в отдельные годы очень высокие темпы роста ВВП за счет задействования производственных мощностей, которые в настоящий момент в массе своей простаивают, а также за счет существенных, относительно скромных размеров местных экономик, зарубежных инвестиций в экспортное производство. Однако на протяжении еще ряда лет, до тех пор пока окончательно не будет ликвидирован механизм неплатежей, убыточные предприятия обанкрочены, а норма и масса капиталовложений существенно увеличены, экономический рост в регионе будет иметь прерывистый пульсирующий характер. Темпы же роста будут легко менять знак на противоположный в зависимости от конъюнктуры, складывающейся на мировом рынке нефти и на основных экспортных рынках центральноазиатских стран.

Примечания

¹ Оценки физических объемов ВВП и валового выпуска в промышленности и сельском хозяйстве во всех постсоветских странах носят приблизительный характер и нередко существенно корректируются. В силу низкой надежности исходной информации эти показатели дают лишь самое приблизительное представление о масштабах спада, его отраслевой структуре и направлении изменений в объемах производства.

² Следует учитывать, что официальные темпы роста ВВП Узбекистана также не вызывают большого доверия. Например, на 1997 г. международные организации оценивают рост в этой стране всего в 2,5%, что более чем в два раза уступает официальным показателям - См.: Republic of Uzbekistan: Recent Economic Developments. P. 38.

³ Мельянцев А. Экономический рост стран Магриба. С. 14.

⁴ Бакеев А. Переживет ли Киргизия вторую волну миграции? // Время MN. 13 апреля 2000. С. 5.

⁵ Нарзикулов Р. "Аскар Акаев: "Мы, конечно, рисковали, но выиграли" // Независимая газета. 21 апреля 1998. С. 1.

⁶ Туркменский газ: политика или коммерция? // Азия Экономика и жизнь. № 5. Февраль 1998. С. 1.

⁷ Foreign Trade Statistics in the USSR and Successor States. P. 147.

⁸ Подробнее см.: Жуков С.В., Резникова О.Б. Россия - Центральная Азия новая модель взаимодействия.

⁹См.: Rosenstein-Rodan P.N., The International Development of Backward Areas // International Affairs. April, 1944 P 157-165, Nurkse R. Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries.

¹⁰См.: Levine R., Renelt D.A. Sensitivity Analysis of Cross Country Growth Regressions//American Economic Review. Vol. 82. September 1992. P. 942-963.

¹¹Подсчитано по: Социально-экономическое положение Республики Казахстан. Январь 1999. С. 50, 131.

¹²Подсчитано по данным того же источника. С. 49-50.

¹³Там же. С. 130.

¹⁴Токбергенов А., Сулейменова Г., Турегельдиева Р. О причинах сохранения убыточности предприятий в Казахстане // Аль-Пари. № 1 Январь-март 1998. С. 46-47.

¹⁵Там же. С. 47.

¹⁶Валовой внутренний продукт за 1996 год // Азия. Экономика и жизнь. № 49. Декабрь 1997. С. 6.

¹⁷Валовой внутренний продукт // Аль-Пари. № 1. Январь-март 1998. С. 3.